

ВОСПОМИНАНИЯ И.Я. КОРОСТОВЦА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ (1890-е гг.)

*Е.И. Нестерова,
Российский государственный гуманитарный университет*

В АВПРИ хранится замечательный документ, написанный известным русским дипломатом Иваном Яковлевичем Коростовцом, мемуары, озаглавленные «Доброе старое время». Более двухсот страниц воспоминаний, представляющих собой текст, напечатанный на пишущей машинке, а затем отредактированный от руки. Машинопись не датирована, не указано и место ее создания. Из первых же строк становится понятно, что к написанию этих мемуаров Коростовец приступил, будучи в эмиграции: «Все кругом меня, особенно бюрократы, охвачены зудом писания мемуаров. Их пишет как бывший министр, так и его камердинер, клоун и кулачный боец, даже павшие монархи – их теперь не мало – принялись за это ремесло. Почему же, подумал я, и мне не внести свою лепту в этот ворох самообмана, самообольщения, самооправдания. Пусть современник и потомки узнают о бренности и бесцельности всего существующего. Впрочем, когда пишешь мемуары, к черту песимизм. Читатели его не любят, а пишущий обязан им угождать» [1, л. 1].

Несколько слов об авторе. 25 августа 1862 г. в семье Коростовцов, дворян Полтавской губернии, родился сын, нареченный Иваном [2, л. 1]. Детство мальчика прошло в Одессе. Его отец, будучи агентом «Русского общества пароходства и торговли», много времени проводил в Константинополе. Благодаря этому И.Я. Коростовцу, еще мальчишкой, удалось побывать не только в столице Османской империи, но также посетить Египет и побережье Малой Азии, куда совершали рейсы пароходы общества. Он вспоминал: «Я полюбил тамошнюю обстановку, природу, бытовые условия мусульман, широкий Босфор с его разнообразным пейзажем, древними византийскими стенами, мечетями, минаретами, кипарисовыми рощами, осеняющими старые кладбища; произвели на меня неизгладимое впечатление, и я тогда уже начал мечтать о возможности устроить свою жизнь в этой обстановке» [1, л. 2].

С началом русско-турецкой войны отца вызвали в Петербург, а Ивана определили на учебу в императорский Александровский лицей. В лицее освободившись от отца, «человека жесткого и подчас жестокого» [1, л. 17], Коростовец «стал забубенным кутилой, и несколько раз рисковал изгнанием, и, если кончил Лицей, то лишь благодаря хорошему влиянию брата отца, адмирала Владимира Ивановича Коростовца, адмирала Зеленых и барона Николая Корфа, и несказанной доброте моей матери» [1, л. 19]. Тем не менее, именно в лицейский период он стал задумываться о карьере дипломата. «Еще во время пребывания в Лицее, я мечтал о дипломатической службе, при том на Востоке» [1, л. 2].

По всей видимости, после окончания лицея выбор профессионального поприща не стоял. 2 июня 1884 г. был окончен лицей, а 13 июня Коростовец поступил в МИД в Азиатский департамент [2, л. 1].

В то время Азиатский департамент возглавлял И.А. Зиновьев. Коростовец характеризовал его, как умного и проницательного человека [1, л. 11]. К тому же, он отмечал: «Наш управляющий, Зиновьев, говорил по персидски» [1, л. 13].

В Азиатском департаменте «письменной работы было много, и наш бюрократический муравейник усердно подгонялся Зиновьевым» [1, л. 14]. Однако, «политические бумаги писал обыкновенно сам Зиновьев, который в этом отношении отличался поразительной работоспособностью, доходившей до мелочности, редактируя даже второстепенные письма» [1, л. 14]. «Я думаю,- отмечал Коростовец,- что он не прочь был бы заняться вообще всей перепиской и совершенно упразднить штат чиновников, предоставив им пить чай и критиковать начальство. Эта страсть входить во всякую мелочь задерживала деятельность министерства, но Зиновьев не доверял даже опытным чиновникам, стремясь сделать все собственноручно».

Из министерских чиновников И.Я. Коростовец вспоминает Гартвига, Нератова, Сементовского, Лодыженского, Каткова, Сергеева, Петра Боткина, барона Врангеля, братьев Ждановых и Сомова. «Вся эта компания собиралась ежедневно для завтрака в министерской чайной, своего рода чиновничьем парламенте, где обсуждались политические дела и служебные отношения» [1, л. 6].

Большинство сослуживцев, работало весьма усердно, просиживая с утра до пяти или шести вечера за шифром и редактированием. Для поступления в Азиатский департамент нужно было соответствовать определенному образовательному цензу – иметь за плечами университет или лицей, т.е. высшее образование. Кроме того существовал дипломатический экзамен, в котором «участвовал грозный барон Остен-Сакен, задававший головоломные вопросы. Среди поступающих было много восточников, т.е. знавших арабский или китайский языки, из университета или Лазаревского института в Москве» [1, л. 13].

В социальном отношении состав, по крайней мере в Азиатском департаменте был смешанный, «хоть преобладали люди с именем и дворяне, но немало было людей скромного происхождения, с довольно плебейскими фамилиями. Последних, впрочем, старались назначать кем-нибудь в восточные консульства, а титулованных особ посылали в европейские столицы [1, л. 13].

Коростовец отмечает: «Впрочем, у нас, как и повсюду, немалую роль играла протекция, при содействии коей семинаристы пробирались на видные места. В департаменте, люди родовитые и снобы составляли особую группу, стараясь выделиться, если не талантами, так костюмами. Но общий дух был все же демократический, что заметно было даже среди так называемого дипломатического корпуса [1, л. 14]. Размышляя о жизни в министерстве, Коростовец приходит к выводу: «Я думаю, что деление дипломатов на экспортных, т.е. элегантных и знатных, и на домашних, т.е. на белую и черную кость, существовало в других странах. У нас в то время арбитрами элганции и представительства были чиновники Канцелярии, куда допускались только люди с именем или состоянием, или, по крайней мере, люди с немецкими фамилиями, которые имели приставку фон [1, л. 16].

Жалование в МИДе платили тогда маленькое, и бедные чиновники вынуждены были брать дополнительные занятия или жить в долг. Крупное содержание выдавали лишь заграничным дипломатам, получавшим его в золотой валюте, хорошо оплачивались курьерские поездки – дважды в неделю в главные столицы Европы [1, л. 15].

Другой выпускник Александровского лицея, поступивший на службу в МИД в 1893 г. и сменивший затем Коростовца в Пекине, Ю.Я. Соловьев также отмечал символический характер оплаты: «причисленные к Министерству иностранных дел первое время служили безвозмездно; таким образом, доступ туда был открыт лишь сыновьям более или менее состоятельных родителей» [3, с. 15].

В Пекин Коростовец, занимавшийся турецкими, греческими и румынскими делами, попал в некотором смысле случайно. В дипломатической миссии открылась вакансия второго секретаря, ее предложили Бруннеру. Бруннер незадолго до этого женился, и родители жены «воспротивились» отъезду молодой четы столь рьяно, что Бруннеру пришлось отказаться. Когда должность была предложена Коростовцу, который к тому времени имел не только жену, но и малолетнего сына Флавия (1887), он согласился отправиться в Китай [1, л. 17, 20]. Назначение состоялось 1 мая 1890 г. [2, л. 1].

К месту назначения Коростовец с семьей добирался через Суэц, но как отмечает дипломат: «Путь этот, т.е. по Красному морю и Индийскому океану настолько банален, что его не стоит описывать» [1, л. 20]. Настоящее знакомство Коростовца с Китаем началось с Шанхая. Там его встретил шведский консул Рединг, заменявший русского, и там он впервые увидел «новый мир, ставший впоследствии моей второй родиной. Увидел толпы желтолицых всех родов и видов, от тучного мандарина в своей нарядной шелковой курме с цветным шариком на шапке до бездомного сухопарого кули, запряженного в телегу или тачку, шныряющего во всех направлениях; европейцы в белых нарядах с касками для защиты от

палящего солнца встречались редко, особенно пешеходы, большинство предпочитало разъезжать в рикшах, т.е. двухколесных тележках, которые тащили полуголые кули» [1, л. 21].

В Тяньцзине семейство Коростовцов приветствовал консул Падерин, и скоро они «оказались в одноэтажном длинном здании под русским флагом, где нас ждал обильный завтрак. Падерин провел много лет в стране, и сжился с ее мировоззрением, т.е. судил обо всем с китайской точки зрения. Кроме Падерина явился военный агент, полковник Путята, и секретарь консульства. Их сопровождал слуга нашей Миссии в Пекине, Наум, присланный Поверенным в делах Клейменовым, чтобы помочь нам добраться до столицы. Этот Наум православный, и принадлежал к числу, так называемых, Албазинцев» [1, л. 24].

Коростовец дал несколько характеристик русским, жившим в Тяньцзине. Падерин «долго служил в Западном Китае, и мог бы кое-что сообщить, но больше курил и помалкивал, заметив лишь, что китайцы утратили прежние качества, взяв у Запада лишь дурные. Всех китайцев, живших с европейцами, он считал испорченными и говорил, что это отбросы. Я убедился в верности его оценки на своем Науме – он был расторопен и услужлив, но большой плут. Впоследствии Падерин был назначен консулом в Чугучак (Китайский Туркестан), где кажется и кончил карьеру [1, л. 25].

Полковник Генерального Штаба Путята также не произвел благоприятного впечатления: «человек средний, хоть и собирался совершить экспедицию в Маньчжурию и писал просторные донесения и рапорты, и писал в журанлах. Но это были академически рассуждения; интересно знать, предсказал ли он японо-китайскую войну, которая была на носу, или довольствовался пророчествами более туманными и отдаленными. Впрочем, эту склонность, к отдаленным пророчествам, например, борьбе рас, я подметил у многих наших агентов. Ведь так легко предрекать о том, что произойдет через сто лет, и так рискованно предсказывать события ближайшие» [1, л. 26].

Из Тяньцзина в Пекин добирались по р. Пейхо. Из-за сильного разлива реки путь занял больше времени, чем обычно. «В некоторых деревнях жители покинули затопленные жилища, и устремились в возвышенные места, или искали приюта у соседей, а иные поселились в лодках, привязанных к деревьям. Многие расположились на сухих местах бивуаками, с уцелевшим домашним скарбом, приветствуя нас обычным возгласом: «Янгуйца», т.е. иностранный дьявол. Это приветствие, сопровождавшееся иногда камнем или комками грязи, несмотря на иностранный флаг, привязанный к мачте [1, л. 30 - 31]. Через четыре дня прибыли в Тунчжоу. Коростовец, решившийся прогуляться по набережной, «тотчас получил в спину комок грязи, а затем полетели и камни» [1, л. 32]. Сопровождавший его Наум «посоветовал вернуться к лодке, и я быстро ретировался, вызвав радостное гоготание толпы» [1, л. 32]. Коростовец так описывает свое состояние: «Я был несколько смущен. Ведь в Тунчжоу жили миссионеры и русские купцы, и китайцы должны были привыкнуть к виду иностранцев» [1, л. 32].

Наконец по каналам, связанным с Пейхо, добрались до Пекина. «На последней станции, когда мы увидели серые башни, стены и бастионы, окружающие Пекин, нас встретил бывший сослуживец по министерству Клейменов, состоявший тогда Поверенным в Делах, за отъездом посланника Кумани. Несколько слуг, мафу (конюх) и носильщики стояли в парадных курмах около зеленых носилок и двухколесных телег для багажа » [1, л. 38]. «Носильщики стояли наготове с шестами, коими поддерживают лямку. Мы облыбзались и после взаимных распросов сели в носилки и быстро двинулись вперед, через китайский город к воротам Хатамын, в южной части города, маньчжурского. Эти два города делились особой капитальной стеной, сооруженной при воцарении Маньчжурской династии, вероятно желая отделить маньчжур от китайцев» [1, л. 38].

Коростовец вспоминает, что миссия называлась «Наньгуань» (Южное подворье), в отличие от Бэйгуаня, т.е. Северного подворья, где издавна помещалась Русская Духовная

Миссия, расположенная в северо-восточном углу столицы, у самой городской стены [1, л. 39 - 40].

Вот как он описывает территориальное устройство посольства: «Длинное одноэтажное здание Дипломатической Миссии расположено было в глубине большого сада. Около Миссии находилась небольшая церковь в китайском стиле, а рядом – колокольня; дома секретарей, драгоманов и остальных чиновников разбросаны в парке; между ними колонады и галереи китайского образца на толстых колоннах, окрашенных в красный цвет. Домики служащих были окружены прихотливыми кирпичными стенками. Вообще, у китайцев слабость ко всяким заборам и стенкам, створчатым тройным дверям, якобы, чтобы помешать злым духам проникнуть в дом, ибо дух запутается не найдя прямого входа, и поневоле отскочит обратно. Деревья были старые, многие с дуплами, как например, дерево в моем садике, и в дупле, по преданию, жил дух покровитель. (...) Кроме деревьев росли разные кустарники, жимолость, глицинии... Весной сад наполнялся запахом сирени, жасмина и жимолости; всюду чирикали и пищали всевозможные птицы, но первенство принадлежало галкам и сорокам, покрывавшим деревья и крыши и наполнявшим воздух довольно неприятным карканьем, а в небе неумолчный звон переливами музыкальных голубей....

Все было широко распланировано; между домами проведены мощные аллеи обсаженные кустарником; дома крыты черепицей по китайскому способу, с загнутыми углами и по типу китайских построек, отличаясь лишь большими европейскими окнами и внутренним устройством – т.е. полы, печи и двери. Общий колорит был серый с красными пятнами. Все дышало древностью и прошлым, но все было мило и поэтично, и напоминало больше старозаветную помещичью усадьбу, чем казенное учреждение. В глубине сада и с боков расположены были домики для прислуги, хозяйственные постройки, сараи, кладовые... Конюшни занимали большой двор, рядом с садом. Это называется казачьим двором, хотя казаков было немного, кажется всего шесть» [1, л. 41].

Об атмосфере, царившей в Миссии, дает описание подготовки отъезда и.о. Поверенного в делах Клейменова. В начале 1891 г. была получена телеграмма о приезде в Китай цесаревича Николая. В результате, встречать наследника престола отправился Клейменов, а Коростовец остался управлять Миссией. «Сборы Клейменова имели более хозяйственный, чем деловой характер. Передавая управление Миссией, он ограничился тем, что вручил мне ключ от кассы и чековую книжку для выдачи жалования служащим, объяснив, что отсутствие его будет кратковременное. На мой вопрос относительно политических дел, он сказал, чтобы во всех затруднительных случаях я обращался к первому драгоману Попову, если дело касается сношений с консулами и вообще нашей внутренней политики. Что касается дел международных, то я могу получить указания от старшины дипломатического корпуса, германского посланника фон Брандта, который понимает и укажет, какой курс нам следует держать» [1, л. 53]. Далее Коростовец продолжал: «Я был несколько смущен, и пожелал узнать, как поступить, если наши и германские интересы разойдутся. - Пустяки, - заметил мой шеф, - такого случая быть не может. Фон Брандт прекрасно понимает, что для нас важно» [1, л. 53]. Коростовец так комментирует возникшую ситуацию: «Не думаю, что Клейменовым руководило чувство германофильства; он просто дружил с фон Брандтом и готов был поддержать его политику ради личных отношений» [1, л. 53].

Вскоре после встречи цесаревича, в Пекин прибыл новый посланник – граф Артур Павлович Кассини. Отметим, что отношения Коростовца и Кассини не сложились, поэтому оценки, даваемые Коростовцом Кассини не нейтральны и небеспристрастны. «Кассини принадлежал к числу тех иностранцев, которые делались русскими дипломатами по протекции Двора или кого-либо из высших сановников. Их охотно принимали в министерство, особенно людей титулованных, и те, кто отличался умом и талантами, делали блестящую карьеру. (...) Умный, хитрый и вкрадчивый, он не лишен был известного макиавеллизма и в былые времена пользовался, вероятно, большим успехом. Теперь он

обрюзг, но все же сохранил представительную осанку и светскость салонного льва, а монокль внушал невольное почтение и трепет подчиненным и даже робким коллегам. Китайцев он обошел своею ласковостью и лукавством, и успешно провел дело о соединении русско-китайской телеграфной линии и предварительные условия о постройке КВЖД, и это не смотря на то, что имел весьма смутное представление о географии Китая и об исторических связях России с этой империей. Китай был для него туманным пятном, а китайские сановники казались людьми с другой планеты. Впрочем, у него имелся усердный поддужный в лице (...) Павлова, который давал справки по всем вопросам. Наконец в Миссии имелся опытный китаевед Попов, представлявший целый кладезь китайской премудрости и языка» [1, л. 56]. Коростовец приводит в подробностях историю назначения Кассини в Пекин. При проезде министра иностранных дел Гирса через Гамбург, где Кассини был резидентом, Кассини угостил министра «таким тонким обедом, что Гирс растрогался и заявил, что такому гастроному нужно более широкое действие» [1, л. 59]. К тому же отмечает Коростовец, у графа были долги, поэтому он с «радостью принял это назначение, хотя не имел понятия о Китае» [1, л. 59]. «Китайцы большие мастера подмечать слабости других, особенно иностранцев, а посему скоро заметили, что нового Цин-чая (посланника) легче всего взять лестью и раболепством, проявляя наружное усердие и покорность. Окружающие, и прежде всего слуги, сумели разгадать грозного Дажену (Великого Господина) и стали водить его за нос. К тому же все и всё было так фантастично и напоминало сказку Шахерезады, и не могло не действовать на воображение европейца, скоро воображающего себя маленьким царьком. Кассини не был исключением, и многие невольно поддавались мании величия [1, л. 59 - 60].

После приезда Кассини изменилась расстановка сил в посольстве. В ходе ревизии в кассе был обнаружен недочет, «вызванный сумасбродством и мотовством Клейменова, расплодившего воровство и взяточничество. Это был честнейший, но крайне легкомысленный и слишком добрый человек, чем конечно пользовались окружающие. Недочет этот вскоре покрыли из жалования, а бразды правления перешли к Павлову» [1, л. 62]. Клейменов продолжал считаться первым секретарем, «но превратился в дворецкого или церемонимейстера» [1, л. 62].

Визиты в Цзун-ли-ямынь Кассини совершал довольно редко, в основном для личных переговоров с князем Цином и с министрами; чаще миссия посылала ноты, адресуя их «князю и сановникам». Китайцы отвечали такими же многословными и витиеватыми бумагами [1, л. 77]. Текущие дела решались в ходе свидания драгомана с китайскими чиновниками.

Когда Кассини все же приезжал в Цзун-ли-ямынь, у входа его встречали слуги и кто-нибудь из чинов канцелярии или секретарей, они же сопровождали его в приемную. В приемной появлялся министр или его заместитель, а иногда несколько чиновников. Приносили чай или сладости – лепешки, пастилу, арбуз или дынные семечки. После обмена комплиментами начинали разговоры общего характера, лишь постепенно переходя к более серьезным темам. Главную роль при этих беседах играл обычно драгоман П.С. Попов, которого иногда заменял кто-нибудь из синологов миссии. В случае разногласия китайцы обыкновенно ссылались на двухсотлетнюю дружбу соседних империй. Главной темой бесед служили пограничные споры – нарушение границы русскими поселенцами, особенно на западе – в китайском Туркестане и Монголии, а также в Приамурье и в Забайкалье; разговоры о концессиях, например на добычу золота, взимании пошлин, товарообмене через Монголию, о русских и китайских перебежчиках, русских научных экспедициях (Потанина, Путяты, Березовского, Семенова, Грум-Гржимайло), споры о территории Барлык в Западном Китае, затрагивались и другие вопросы [1, л. 77].

Коростовец отмечает, что в это время политической работой в Китае занимались в основном русские, англичане, японцы, французы и американцы, остальные дипломаты были скорее наблюдателями. «Зато все занимались спортом – теннисом, хоккеем, крикетом, футболом и катались на коньках, в Клубе или у себя. Некоторые собирали коллекции

древностей – бурханов, материи, фарфора и т.п. Обеды, рауты, концерты бывали почти ежедневно. Жизнь разнообразила поездками близкими и дальними. Почти все интересовались скачками» [1, л. 78].

На лето, на два-три месяца, спасаясь от жары, иностранные миссии выезжали из Пекина в горы. В Пекине оставался кто-нибудь из секретарей для общения с китайцами. Почти каждая миссия имела свою кумирню, куда переезжала, сделав там ремонт по европейскому образцу. Кассини последовал общей моде, наняв живописную кумирню Лан-Куан-сы, поблизости находились «дачи» англичан и французов. Коростовец арендовал полуразвалившуюся кумирню Чан-Хуан-сы, у подножья гор, в 15 верстах от места обитания Кассини [1, л. 81].

Обычно Коростовец ходил к своему начальнику пешком через горы, по тропинкам, чтобы «избегать деревню, т.е. брани и камней жителей» [1, л. 82]. В обычное время загородная жизнь изобиловала мелкими неприятностями, как то - ежедневное созерцание крыс и скорпионов, однако в период дождей возникали настоящие проблемы – крыши протекали, дороги превращались в реки, затруднялся подвоз провизии, и как следствие прекращалось сообщение с Кассини. Тем не менее, никто не собирался отказываться от летнего отдыха.

Как уже отмечалась, отношения Коростовца и Кассини не сложились. Сам Коростовец так пишет о причинах возникшей неприязни: «В молодые годы я был очень склонен к критике, и не прочь был подтрунить над начальством. Я имел неосторожность пошутить над тщеславием и манией величия нашего шефа и затронуть госпожу Шелли, заметив, что она собственно управляет посольством» [1, л. 84]. Это и обвинение в отравлении собаки Кассини стало достаточным основанием для того, чтобы выдворить Коростовца из Пекина в Чифу для ожидания приказа о новом назначении. 28 июля 1894 г. назначение состоялось – Коростовец отправился секретарем Миссии в Рио-де-Жанейро. Однако через несколько лет он вернется в Китай, и именно в Китае станет посланником Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. АВПРИ. Ф. 340. Коллеции. Личный архив И. Я. Коростовца. Оп. 839, д. 3.
2. АВПРИ. Ф. 159. ДЛСиХД, формулярные списки. Оп. 464, д. 1794^а, л. 1–5.
3. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893 – 1922. М.: Соцэкгиз. 1959. 414 с.